

ГЛАВА 1

Гул усилился, тупая боль в ушах стала почти невыносимой. Мне казалось, что чьи-то мягкие, но могучие руки обхватили голову, как теннисный мячик, и начали медленно сдавливать. Двадцать-тридцать секунд я мог еще выдержать и, взмахнув одновременно обоими ластами, направил свое тело еще ниже, в плотную тень от обросшего рыжими водорослями и черными мидиями каменного исполина.

Моя жертва, не чувствуя опасности, грелась в скудных солнечных лучах, с трудом пробивавшихся сквозь толщу воды. Желтые блики плясали по его черной спине, покрытой белыми наростами, похожими на шляпки гвоздей. Я больше не делал никаких движений и просто падал на него медленно и беззвучно. От меня не было тени, я шел со стороны, противоположной солнцу, и мой паукообразный дружок ничего не подозревал, вращал своими глазками-телекамерами да лениво подносил ко рту то одну, то другую клешню.

За такие прекрасные образцы повар платил по высшему тарифу, и я настолько увлекся охотой на краба, что забыл о коварной глубине. Вода резко похолодела — я вошел в донный слой и вместе с колючим ознобом и совершенно безумной болью в ушах ощутил страх, который вдруг окатил меня волной. Дыхание уже металось в груди, легкие судорожно сжимались и разжимались, имитируя вдох и выдох, а я все еще скользил вниз, и краб стремительно увеличивался в размерах, напоминая темно-зеленый камень, обросший от старости ракушками. Оптический обман сбил меня с толку, и я плохо рассчитал свои силы. Глубина оказалась слишком большой, но в такой близости от цели я уже не мог остановиться. Азарт оказался сильнее страха и здравого разума. Когда обе мои руки нависли над широким, в две ладони, панцирем,

краб неожиданно подогнул задние лапки, присел и выставил вверх свои огромные клешни. «Ах ты, таракан морской! — мысленно выругался я. — Ты еще предлагаешь мне подраться?»

Я держался уже только одним усилием воли. Дыхательная трубка давно наполнилась водой, и теперь она просачивалась сквозь крепко сжатые зубы, будто кто-то пытался насосом закачать ее в мой рот, и я чувствовал языком холод и соль. Маска под давлением прижалась к моему лицу с такой силой, будто она боялась, что я сниму и выброшу ее здесь, на глубине; она растянула мне кожу, сделала узкими глаза, и теперь я, должно быть, здорово напоминал китайца.

Я сделал то, что делал уже не одну сотню раз: стараясь не попасться в капкан широко раскрытых клешней, средним и указательными пальцами левой руки я придавил краба ко дну, а затем перехватил правой, накрыв ладонью панцирь.

Внезапно меня словно током ударило: краем глаза я заметил движущийся левее и глубже продолговатый предмет. Он был слишком велик для черноморской рыбы, но от дельфинов, которых вокруг было великое множество, отличался узкой формой и странной манерой движения... Пока я щурил свои китайские глаза, тень, оставляя за собой пузыри, растворилась среди обросших водорослями камней, а краб, воспользовавшись моим замешательством, вцепился мне в большой палец. Я дернулся от боли, с опозданием понимая, что совершил непростительную ошибку, а краб одномоментно разжал клешню, мягко опустил на дно и бочком рванул в узкую щель под камнем.

Я не стал провожать его взглядом, изо всех сил оттолкнулся ногами от дна и взмыл вверх. Два сильных взмаха руками, затем частый перебор ногами, снова руками... Я как пробка вылетел на поверхность воды, срывая с лица маску с трубкой, сразу же лег на спину и, не открывая ослепленных солнцем глаз, с хрипом и стоном втягивал в себя воздух. «Таракан, паук пучеглазый, клоп просоленный!» — ругал я то ли краба, то ли себя за неразумный риск. Голова гудела, перед глазами плыли красные круги. Легкие горели, словно я дышал раскаленным в сауне воздухом. «Что же это было? — думал я, вспоминая движущуюся над самым дном тень. — Может быть, померещилось от кислородного голодания?»

Чайка, выйдя прямо над моим лицом из стремительного пике, со свистом ушла вверх, вспарывая пронзительную синеву. Я почувствовал на лице ветер от ее крыльев. «На мешок нацелилась», — понял я, притягивая ближе к себе плавающий рядом брезентовый мешок с крабами, подвязанный веревкой к поясному ремню. Намокший, он казался тяжелым, но я знал, что в нем сегодня всего десяток членистоногих особей, причем половина из них — совсем дети, и в ресторане «Парус» у меня их возьмут лишь по доллару пара. Эх, если бы того красавца-великана удалось вытащить!

Я перевернулся, лег на грудь лицом к солнцу и увидел, что течением меня отнесло от Дикого острова довольно далеко, и вечный шум волн, разбивающихся об его отвесные скалы, уже едва доносится до меня.

Я поплыл к острову, где осталась моя лодка, делая неторопливые, но сильные гребки, нацеливаясь на каменную арку, похожую на букву Л. Это творение природы служило мне маяком. Если плыть к острову, ориентируясь на арку, то течение обязательно снесет влево, к северному краю Дикого острова, к тому единственному месту, где можно выбраться на берег, не рискуя переломать себе руки и ноги.

Мешок с крабами немного мешал плыть, тормозил, как плавучий якорь, и я довольно долго боролся с волнами и прибоем, пока наконец не выбрался на горячие камни.

Остров — собственно, сказано громко. По сути это всего лишь скала, изрезанная трещинами и промоинами, расщепленная на две части, покрытая белой коркой засохшего птичьего помета, содрогающаяся от грохота накатывающих волн и истощного крика и хохота чаек, обосновавшихся здесь всерьез и надолго. Дикий остров стоит в шести километрах от берега, в пасмурную погоду его трудно увидеть, а в солнечную он напоминает гигантский акулий плавник. Его очень редко посещают люди. Лично я за весь сезон всего лишь дважды встречал туристов, добравшихся сюда на резиновых лодках. Воды на острове, естественно, нет, жечь костры ночью нельзя — пограничники сразу накроют. Потому и не пользуется остров слишком большой популярностью у любителей экзотики. Мне же приходится плавать сюда едва ли не каждый летний день — обязывает договор с рестораном.

Пошатываясь, я стащил с себя ласты, кинул их сушиться на солнышке и поднялся по камням выше, к тропе, над которой нависали карликовые крымские сосенки с кручеными, червеобразными стволами. От них почти не было тени, но этим жалким укрытием от полуденного солнца туристы все же не раз пользовались: у самого подножия скалы темнели пятна от костров; из гладких, отшлифованных морем булыжников были сложены стулья и стол.

Я не любил это место. Туристы, кем бы они ни были и какой бы любовью к природе ни пылали, все же относились к острову варварски. Консервные банки, бутылки, битое стекло, старую одежду и прочий мусор, который они оставляли здесь, увозить приходилось мне, а вот идиотские надписи о любви к рок-группам на плоском камне (не поленились, засранцы, банку краски с собой прихватить!) мне не удалось отмыть даже скипидаром. Не хочу сказать, что я отношусь к числу рьяных фанатов-экологов или состою в партии «зеленых», но к Дикому острову, раз уж он волей природы обособлен, отодвинут от человека, у меня отношение особое.

Я отошел от туристской стоянки метров на двадцать в сторону, сел в тени скалы и принялся отвязывать веревку от поясного ремня. Мокрый ремень, пока я нырял и гонялся за крабами, сильно натер мне поясницу, и теперь каждое движение заставляло кривиться от боли. Крабы, почуяв воздух свободы, зашевелились и, когда я заглянул внутрь мешка, уставились на меня своими черными глазками, выдувая ртами пузыри.

Я вздохнул и снова затянул веревку. Мне всегда было жалко этих несуразных обитателей моря, которые с моей помощью превращались в деликатес и попадали на стол ресторана. «Такова жизнь!» — мысленно изрек я затасканную фразу, не обозначающую ровным счетом ничего и все же смягчающую чувство вины за мой негуманный промысел.

Время летело стремительно. При такой волне я смогу добраться до берега не раньше чем через два часа, а солнце уже перевалило зенит и скатывалось к горизонту. В «Парусе» я должен быть в шесть ноль-ноль, ни минутой позже. Опоздание сразу скажется на моем заработке. В шесть заканчивается перерыв, столики начинают занимать посетители, и поступают первые заказы на фирменное блюдо — крабы, фаршированные шампиньонами, под

винным соусом. Это лакомство идет нарасхват, несмотря на то что маленькая порция стоит три бакса, большая — пять. Я же за весь сегодняшний улов вряд ли получу больше десяти долларов.

Этой ерундой — ловлей крабов — мне пришлось заняться после того, как окончательно лопнуло мое частное сыскное агентство. Косвенно виноват в этом был Валера Нефедов, мой бывший сослуживец по Афгану, работающий в Москве, в ФСБ. Я здорово укрепил его карьеру, когда раскрутил дело о наркотиках, поставляемых из миротворческих частей Таджикистана в цинковых гробах. В благодарность Валера предложил мне неплохую должность в его отделе, но я отказался. Я не умею беспрекословно подчиняться и тем более делать то, что противоречит моим правилам и привычкам. В свою очередь я попросил у Нефедова содействия в создании частного сыскного агентства.

Он нашел деньги, выписал аппаратуру, пробил разрешение на ношение оружия, помог с людьми. Осенью и зимой я здорово раскрутился. Апогеем моей деятельности стала история с бывшими проститутками, которых шантажировал некий малоприятный тип. Лет десять назад он активно пользовал девочек у себя дома, скрытой камерой снимая все подробности «досуга», затем долго следил за жрицами любви, составляя на каждую подробное досье, и наконец дождался, когда они поставили крест на своей работе, обзавелись безупречными репутациями, квартирами и респектабельными женихами. Приблизительно за неделю до свадьбы этот подлец подкидывал каждой невесте копию видеофильма с короткой запиской: что, мол, премьера этого фильма состоится на вашей свадьбе; избежать же этой маленькой неприятности можно будет в том случае, если вы переправите десять тысяч долларов по указанному адресу; угрозы, «быки» и даже наемные убийцы лишь усугубят ваше положение, потому как несколько видеокопий разосланы надежным людям с Центрального телевидения.

Этот тип, конечно, блефовал, и я взял его на довольно дешевую приманку. Полученный гонорар позволил мне еще долгое время безбедно жить, но его не хватало на содержание агентства. Заказов было много, но далеко не все клиенты могли оплатить наши расходы. Я снова обратился к Нефедову, но в то время он уже был занят чеченской войной, в поте лица разыскивал главного террориста и народного героя Ичкерии и ничем не смог мне по-

мочь. Мои компаньоны — профессиональные сыскари — терпеливо ждали зарплаты три месяца, а потом вежливо откланялись: их перекупили наши конкуренты.

Так я переключился на крабов.

...Озноб прошел, но я все еще с содроганием смотрел на воду. Когда проводишь в море по два часа в день, очень скоро перестанешь радоваться его изумрудному свечению, белоснежной пене прибоя, солнечным бликам и прохладе брызг. Потому я немного завидовал курортникам: они ждут встречи с морем целый год, а то и несколько лет, и воспринимают его как чудесное явление природы, как сказку, как источник райского удовольствия. Для меня море уже давно стало лишь источником простуд и заработка.

Я свесился с камня, опустил мешок в воду, подержал немного, чтобы мои несчастные пленники освежились и не утратили товарного вида. Леша Малыгин в отличие от меня предпочитает ловить крабов у мыса Меганом. Нырять он классно — на десять метров опускается без всяких проблем и на три минуты задерживает дыхание. Но все равно ему не угнаться за мной: больше десяти крабов за день он не вытаскивает. Я приглашал его на Дикий остров, но Леша ленится грести веслами.

Брюки и майка, которые я постирал перед тем, как уйти под воду, давно высохли. Они лежали на плоском белом камне, словно труп, плоть которого на солнце превратилась в труху и разлетелась по ветру, а одежда осталась. Я прыгал на одной ноге, надевая брюки. Штанины из грубой джинсовой ткани обжигали кожу на ляжках. Это было приятно — тело требовало тепла. Кажется, я сегодня перекупался. Надо постараться согреться за веслами.

Лодку, если даже штормило слегка, я обычно затаскивал на сушу с восточной стороны острова. Сделанная из пластика, она была легкой, но недостаточно прочной, и я не решался оставлять ее на плаву, где любая шаловливая волна могла швырнуть ее на скалу и разломить пополам. Балансируя на острых углах, я размахивал мешком и прыгал с камня на камень, преодолевая природный хаос. «Ждать ли мне Лешу?» — думал я, рассчитывая в уме время. Мы привыкли встречаться у входа в ресторан за десять минут до его открытия, делиться впечатлениями от охоты и, получив деньги, выпивать стаканчик-другой массандровского портвейна.

Я спрыгнул с камня и зашуршал ногами по черному кварцевому песку. Вскоре остановился, словно налетел на невидимое препятствие, посмотрел по сторонам, потом зачем-то наверх, затем снова вокруг себя.

Лодки не было.

ГЛАВА 2

Очередная волна накатила на камни, разбилась о них в пену, и холодные брызги прострочили мне лицо. Если бы море было живым существом, эта его выходка непременно вынудила бы меня предпринять ответные меры. Но мне оставалось лишь довольствоваться матерной тирадой в адрес Посейдона и прочих морских богов и гадов да сильным плевком в сторону волн.

Я обошел место, где лежала лодка, рассматривая собственные следы, отпечатавшиеся на песке. Здесь было сухо, несмотря на то, что прибой разыгрался и отдельные капли долетали до меня. Значит, волной унести лодку не могло. Оставалось единственное объяснение — это чья-то дурацкая шутка, в ответ на которую обязательно следует бить по роже.

Я опустил мешок в воду и, чтобы его не унесло, привязал веревку к увесистому булыжнику. Со свободными руками легче было взобраться на «акулий плавник». Кроссовки отлично «липли» к наждачной поверхности скалы, и я взбежал наверх на четвереньках, как муха по стене. Когда выпрямился, то сразу увидел свою лодку. Ее уносило течением в открытое море, и уже сейчас до нее было не меньше полутора километров. Прикрывая глаза ладонью от нестерпимо яркого света, отраженного поверхностью моря, я несколько минут всматривался в темную черточку на зеркальной поверхности, покрытой рябью волн. Мне показалось, что оба весла аккуратно сложены на дне лодки. Я же, перед тем как уйти под воду, оставил их на песке.

Трудно передать мое состояние. Хрустнув костяшками пальцев, я еще раз посмотрел на медленно удаляющуюся лодку, как Робинзон — на уходящий корабль. Не знаю, шутка ли это, злой умысел или попросту чья-то неосторожность, но беспорядочные ругательства срывались с моих губ неудержимым потоком.

Я повернулся в другую сторону — скорее неосознанно, испытывая потребность в любом движении и желание куда-то идти, бежать, крушить, ломать все на своем пути, как вдруг замер, не сводя глаз с маленькой бухты, огражденной горами каменного мусора, среди которых, словно гейзеры, время от времени взлетали вверх фонтаны брызг. В центре бухты покачивалась на волнах небольшая моторная яхта с белоснежной надстройкой капитанской рубки, увенчанной никелированным шпилем с выцветшим флажком, с кормовой палубой, обведенной веревочной плетенкой, с квадратными окошками кают-компания и сверкающими кругами трюмных иллюминаторов. На носу голубой краской было выведено: «АССОЛЬ».

Два часа назад, когда я начал ловлю крабов, ее здесь еще не было. Яхта, видимо, подошла к острову со стороны мыса Ай-Фока, потому я и не заметил ее и не услышал гула мотора.

Необъяснимый побег лодки можно было увязать только с появлением у острова яхты. Я не видел людей ни на яхте, ни на берегу, не знал, кто они и понравится ли им моя брань, которую я уже приготовил, но не мог ни остановиться, ни приглушить в себе эмоции. «Шутники хреновы!» — мысленно ругался я, съезжая на заднице по испещренной солеными брызгами поверхности камня. Сейчас поплывем за лодкой. Заведем мотор и пойдем в открытое море. Больше никому было столкнуть ее в воду.

Пологий, выбеленный пометом чаек контрфорс, который словно поддерживал скалу и не давал ей рухнуть в пучину, стеной опускался в воду, и берега как такового подо мной не было. Можно было обойти скалу вокруг, но этот путь показался мне слишком долгим. Я был сверх меры рассержен на хозяев яхты, к тому же солнце стремительно падало за горизонт, и я мог опоздать к назначенному часу. Не раздумывая, я прыгнул в воду, вонзился в волны, и меня неприятно обожгло холодом. «Перекупался», — снова подумал я, выплыл на поверхность и, стараясь побыстрее выйти из воды, начал изо всех сил бороться с волнами. Серая стена медленно проплывала мимо. Встревоженная стая чаек взметнулась в воздух, и белые птицы принялись кружить надо мной, горланя дурными голосами.

Конечно, я напрасно прыгнул в воду в одежде. Даже на теплом ветру в мокрой одежде можно замерзнуть до посинения. Когда я вышел на берег, меня колотила крупная дрожь, а подбородок

трясся так сильно, что клацали зубы. Кроссовки издавали какой-то отвратительный чавкающий звук и при каждом шаге во все стороны плевались водой.

Проклинаю хозяев яхты с удвоенной силой, потому как и в этом вынужденном купании они тоже были косвенно виноваты, я трусцой бежал по узкой тропе, скользящей между валунами, с каждым мгновением приближаясь к яхте. Я уже видел ее мерно раскачивающуюся никелированную стеньгу, уже слышал, как скрипит якорный трос, отшлифовывая округлые края клюза, как вдруг нога потеряла опору, соскользнула с камня, и я, потеряв равновесие, полетел на гальку. Я непременно разбил бы себе голову, если бы вовремя не выставил обе руки вперед.

Удар был чувствительным — падать на остроугольные камни самое неблагодарное занятие. Чертыхнувшись, я подтянул колени и сел, с удивлением глядя на свои руки. Они были не просто оцарапаны. Они были выпачканы в липкой темно-вишневой крови до локтей.

Первая мысль, что я сотворил со своими руками нечто ужасное, мгновенно сменилась другой: боли нет, ран не видно, значит, это не моя кровь, а чужая. Это был тот редкий случай, когда человек испытывает радость, увидев под собой лужу крови.

Я с ужасом отскочил в сторону — облегчение сменилось отвращением. Я поскользнулся на камне, залитом кровью. Точнее — не просто залитом. Этот большой плоский камень, похожий на наковальню, был покрыт слоем бурой студенистой массы, в которой переплелись пучки волос и омерзительные бесформенные комки, словно на камень вывалили ведро вишневых медуз.

С перекошенным лицом я поднялся на ноги, быстро подошел к воде и стал отмывать руки и кроссовки. Если бы я не был голоден, меня бы обязательно стошнило. «Что за гадость! — думал я. — Кого здесь освежали? Дельфина? Чайку?.. Вообще-то, чтобы выпустить столько кровищи, надо как минимум двадцать чаек распротрошить».

Руки отмылись, только под ногтями еще остались коричневые полоски. Без щетки с ними ничего не поделаешь. И джинсы на правом бедре были вымазаны в гадкой слизи.

Стараясь не подходить близко к окровавленным камням, я некоторое время наблюдал за тяжелыми мухами с перламутровыми спинками, которые лениво ползали по бурым комочкам, увязая в

тягучей слизи. Особенно много их было на пучке волос, свернутом кольцом. «Это произошло недавно, — думал я, невольно озираясь по сторонам. — Час назад от силы. Дельфин или чайки?..»

Я скрипнул зубами от злости на себя самого. «Кирилл, — сказал я сам себе, — не надо валять дурака! Неужели тебе мало Афгана и Таджикистана, чтобы с уверенностью сказать: это не дельфин и не птица. Это часть человека. Его кровь и мозги».

Я задрал вверх голову. Можно предположить, что кто-то сошел с «акульего плавника». Судя по жуткому следу, оставленному несчастным, он вряд ли смог встать на ноги и уйти отсюда самостоятельно. Значит, он был не один. Пострадавшего — живого или мертвого — отсюда кто-то унес.

По спине прошелся холодок, словно морской ветер насквозь продул мокрую майку. Я снова посмотрел вокруг и уже медленно побрел к яхте, внимательно глядя себе под ноги. Если истекающего кровью человека несли на яхту, то на гальке должен был остаться кровавый след. Должен был, но не остался.

«А при чем здесь моя лодка? — думал я. — Ею хотели воспользоваться, чтобы перевезти несчастного на берег? Но почему на лодке, а не на яхте, что было бы намного быстрее? Может быть, у них внезапно закончился бензин? Может быть, разбился именно тот, кто в отличие от других умел управлять яхтой?»

Вопросы сыпались один за другим. Я не был готов к тому, что мне пришлось увидеть. Чужие проблемы сейчас меня не волновали, я не хотел вникать в них и ввязываться в чужую беду. «Все мое время, — думал я. — Сейчас я устал, продрог, я хочу на берег, а мою лодку, как назло, унесло в открытое море. Я сам нуждаюсь в помощи и сочувствии».

Но я себя обманывал. Честное слово, я лучше, чем могу показаться. Никогда, ни при каких обстоятельствах не скажу вслух того, о чем сейчас думал. Вроде бы подготовился к тому, что покажу кукиш навстречу любой просьбе о помощи, но на самом деле я сразу же забуду и про своих крабов, и о встрече с Лешей, и про мокрую одежду и стану, если надо, перебинтовывать, делать искусственное дыхание, закрытый массаж сердца, отправлюсь вплавь до берега, чтобы отыскать врача, посадить его на моторку и привезти сюда, — буду делать все, что умею, до тех пор, пока кто-либо будет нуждаться в моей помощи. Это уже привычка, образ жизни, и я воспринимал это с покорностью обреченного.

Я вышел на маленький пляж, казавшийся серым и холодным оттого, что «акулий плавник» кидал на него огромную тень и она на глазах увеличивалась, захватывая пока освещенные солнцем камни. Яхта покачивалась напротив меня и по-прежнему казалась безлюдной. Натянутый, как струна, якорный трос удерживал ее носом к берегу. Я хотел свистнуть, привлекая к себе внимание, но вспомнил о крови на пальцах, которые намеревался вложить в рот, и с содроганием отдернул руку от лица.

— Есть кто живой?! — крикнул я, но шум прибоя заглушил мои слова.

Я стоял, сунув руки в мокрые карманы, и смотрел на яхту. Настроение у меня испортилось окончательно. Крик обезумевшей чайки, которая с остервенением пикировала на меня, едва не задевая крыльями лица, бил по нервам, и я почувствовал, как на меня накатывает волна холодного страха.

— Пошла вон! — крикнул я, нагибаясь за галькой размером с кулак, чтобы запустить ею в птицу, и тут увидел коричневый предмет. Поднял его и поднес к глазам, не сразу догадавшись о его предназначении.

Это была «фенечка» — крохотная, чуть больше пачки сигарет, сумочка из замшевой кожи на пеньковом шнурке, украшенная полированным деревянным шариком и кожаной бахромой. Я спрятал находку в карман и снова посмотрел на яхту.

— Ну тебя к черту! — тихо произнес я, но не шелохнулся, словно яхта гипнотизировала меня, подавляя волю. — Не нравится мне все это, — добавил я, сожалея о том, что рядом сейчас нет Леши или на крайний случай Анны.

Потом склонился, снял кроссовки и машинально, не думая, стал подворачивать брюки до колен, вошел в воду, не спуская с яхты глаз. Вода дошла мне до груди, пока я дотянулся рукой до якорного троса. Огромный форштевень раскачивался прямо перед моим носом, норовя обрушиться мне на голову всем своим весом. Когда яхта приподнялась на очередной волне, я подтянулся на тросе, а когда пошла вниз — ухватился за край клюза, оперся о него ногой и, выпрямившись, перевалился на бак.

— Есть кто-нибудь на яхте? — снова повторил я и удивился тому, как неестественно прозвучал мой голос.

В больших прямоугольных иллюминаторах отражалось солнце, и я не мог разглядеть, есть ли кто в рубке. Придерживаясь ручки за снасть, я спустился с бака к двери и потянул на себя ручку.

Дверь открылась беззвучно и необычайно легко, словно кто-то очень постарался ее смазать, чтобы на моем пути не возникло препятствий, но зайти в рубку сразу я не решился. Пригнув голову, ослепленный солнцем, минуту я всматривался в приборный щиток, небольшой штурвал из красного дерева с рукоятками, украшенными медными кольцами, в переборку и ступени, ведущие в кают-компанию.

— Эй! — уже совсем негромко позвал я. — Кто-нибудь нуждается в помощи?

Я вздрогнул от крика чайки, которая, сев на короткий бушприт и глядя на меня одним глазом, неистово захохотала, показывая червеобразный, загнутый кверху язычок.

— Тьфу, дура! — прикрикнул я на нее. — Пошла вон, и без тебя нервы на пределе!

Чайка замолчала, но слетать с бушприта не стала, продолжая наблюдать за мной. Чтобы войти в рубку, мне пришлось немного пригнуться, и я увидел свое отражение в зеркале, висящем напротив. «Ну и рожа, — подумал я, не удержавшись от сарказма в собственный адрес. — Глаза как у суслика, которого переезжает машина. Чего испугался, Кирюша?»

Рубка ничем особенным меня не привлекла, и я медленно спустился в кают-компанию. Два дивана у боковых переборок, ковровая дорожка с огромным мокрым пятном посередине. На журнальном столике, привинченном к полу, торчали деревянные футляры для бутылок — чтобы во время сильной качки не опрокинулись. Из футляров выглядывали бутылочные горлышки новосветского коллекционного шампанского; пепельница, стоящая на столе, была пустой, без окурков, но не вымытая. Бокалов не видно.

Из кают-компании я попал на камбуз. Стараясь ни к чему не прикасаться, посмотрел на газовую плиту, чайник, подвешенный на крюке, старательно обошел смазанные лужи на линолеуме. Тут либо кто-то намеревался вымыть полы, да почему-то не довел дело до конца, либо яхта недавно попала в сильный шторм и морская вода залила кубрик и кают-компанию.

Через заднюю дверь я вышел на кормовую палубу. Здесь также не было никого, и ничего любопытного я не заметил, кроме мокрой снасти, лежащей кольцом на палубе. Один ее конец был привязан ко кнехту, а второй связан большой петлей.

Я вернулся на бак и, придерживаясь за рычаг якорной лебедки, минуту рассматривал остров в надежде увидеть живую душу.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал я и вернулся в рубку.

Жизнь научила меня в подобных ситуациях придерживаться строгих правил. Одно из них гласило: ни к чему не прикасаться, не оставлять после себя следов, и все-таки я с трудом подавил в себе желание взяться руками за штурвал, запустить мотор, двинуть вперед рычаг подачи топлива, сняться с якоря и отчалить от этого мрачного острова.

Я глянул на часы. Мои непромокаемые японские «Casio», снабженные прибором для измерения подводной глубины, почему-то запотели, и стекло покрылось изнутри мелкими капельками. Такое с ними случилось впервые.

Тряхнув головой, словно отталкивая невидимую помеху в сторону, сдерживающую мою решительность, я выскочил на бак и уже поднял над головой обе руки, чтобы прыгнуть в воду, сразу и навсегда распрощавшись с мрачным молчанием Дикого острова, но тут же застыл с поднятыми руками. Это была какая-то мистическая подсказка: я вдруг вспомнил штурвал, приборную панель и небольшой предмет, лежащий на ней. Зайдя в рубку, я почти не обратил на него внимания, но предмет запомнился. И сейчас интуиция сигналила: это главное!

Я медленно вернулся в рубку, все еще прислушиваясь к своим ощущениям. Открыл дверь, скользнул взглядом по приборной панели. Вот эта штука — дюралевая трубка, изогнутая буквой Г. Взял ее, изменяя своим правилам, повертел в руке, рассматривая со всех сторон. Обыкновенный накидной ключ, каким пользуются проводники в поездах, только диаметром несколько побольше. Лежит явно не на своем месте, словно нарочно, чтобы попасться мне на глаза.

Я машинально пробежал взглядом по рубке, прикидывая, куда этот ключ можно воткнуть и какую дверь открыть. Потом вспомнил: когда-то у меня была яхта «Арго» — двумя классами ниже

этой, но многие детали и снасти на ней были идентичны. Подобным ключом треугольной конфигурации я открывал трюмные лючки.

Я снова спустился в кают-компанию, понимая, что намереваюсь совершить непростительную ошибку. Откинул ногой ковровую дорожку, встал на колени перед квадратной крышкой люка, вставил ключ в гнездо. Замок открылся легко, с тихим щелчком. Вынул утопленное в пазах кольцо и потянул за него. Крышка приподнялась.

Еще не видя трюма и того, что в нем, — мешала крышка, — я опустил ее на пол, переступил через черный квадрат и склонился над проемом. В нос ударил тошнотворный запах свежей крови, и я немного отпрянул от люка, будто боялся опять выпачкаться. Луч света через боковой иллюминатор упал на дно трюма. Я увидел женщину, лежащую ничком, раскинув в стороны руки, словно она пыталась противостоять качке и удержаться на рифленном полу. Почти каждый палец ее был украшен перстнем. На ногах тускло блестели лаковые туфли. Черная юбка была слегка задрана, белело смуглое бедро. Черный пиджак расстегнут, и его борта с золочеными пуговицами распластаны в стороны, будто крылья.

Голова у женщины отсутствовала. То, что от нее осталось, трудно было назвать головой — лишь изуродованная часть затылочной кости с мокрыми спутавшимися волосами.

Я ногой подкинул крышку, и та с глухим хлопком закрыла люк. Несколько мгновений, оцепенев, я смотрел на свои босые мокрые ноги, на следы, которые я оставил, на скомканный край ковровой дорожки. «Что-то похожее уже когда-то было, — подумал я. — Не бывает ничего нового, все в этой жизни повторяется».

ГЛАВА 3

Не знаю, кому как, а мне, например, часто приходится менять свои планы и ближайшие цели радикально, как говорится, на сто восемьдесят, причем в кратчайшее время. Сам я люблю определенность в жизни и стремлюсь, как принято было говорить раньше, к тому, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне. К сожалению, судьба не считается с моими интересами и крутит мной как

ей вздумается. Я вечно вляпываюсь во всевозможные истории, куда нормальный человек, по моему соображению, никогда не попадет. Это мой рок. Так, наверное, было predetermined звездами, когда я появился на свет божий. В недавнем прошлом меня несколько раз подставляли, вешая на меня убийства, махинации, теракты и прочий криминал. Конечно, в этом есть немалая доля и моей вины — стоит меня немного задеть, как я с радостью ввязываюсь в драку, в авантюры, рискую, не думая о том, чем это может для меня обернуться. А после удачного поединка с наркомафией я вообще обнаглел — открыл частное сыскное агентство и возомнил себя едва ли не агентом 007. Так я воспитан, такой у меня характер. Его долго ковали сначала детдом, потом бабуля, за которой я попутно ухаживал, потом служба в Афгане, Таджикистане... Всего не перечислишь. Но все это к тому, что моя психика настолько привыкла ко всякого рода потрясениям, что я теперь уже воспринимаю трупы, которые подкидывают мне под ноги, как тот камень, который в очередной раз сваливается с горы на голову Сизифа.

Надо быть идиотом, чтобы не понять: в том, что произошло в последние два-три часа на Диком острове, нет ничего случайного. Это был мой первый вывод, который не вызывал сомнений. Кому-то очень надо было, чтобы я или кто-либо другой зашел на яхту и оставил свои следы. Считаем, что этот «кто-то» своего добился. Я вляпался в кровавую кашу, как, извините, в дерьмо, и все еще ношу ее под своими ногтями; я оставил отпечатки пальцев на ручке двери, на ключе, на рычаге лебедки, на кольце крышки люка; я безнадежно «засветился» на острове, так как теперь мою лодчонку обязательно выловят морские пограничники, определят скорость течения, курс, снимут отпечатки пальцев с весел и легко докажут, что сегодня, ориентировочно с двенадцати до четырех часов пополудни, я был на острове. Словом, я полностью готов к употреблению, меня можно брать.

Я дал задний ход, стараясь не упустить ни одной детали. Во-первых, отпечатки пальцев. Все, к чему прикасался, я тщательно протер полотенцем, висевшим над плитой на камбузе, вышел через рубку на бак, закрыв за собой дверь. Я вытер ручку и выкинул полотенце за борт. Теперь, если только меня не засняли с острова на видеопленку, непросто будет доказать, что я поднимался на яхту. Прыгнув с бака в воду, вышел на камни, оглянулся. Яхта,

этот новоявленный «Летучий голландец», свалившийся на мою голову, все так же мерно покачивалась на волнах. Я все еще не мог избавиться от чувства, что за мной следят, что все мои попытки уйти отсюда незамеченным и не оставить следов лишь вызывают ироническую усмешку у моих недоброжелателей, наблюдающих за мной в бинокль, подзорную трубу или просто сквозь черные очки. Из-за этого я все время нервно крутил головой, но ничего не видел, кроме серых скал, покрытых редкими кустами можжевельника, да истеричных чаек, которые с разноголосым криком все еще кружили надо мной.

Место расправы над женщиной я мог обойти стороной, но нарочно пошел мимо него, чтобы еще раз глянуть на ужасное пятно. «Странно все, — думал я, стоя в метре от залитого кровью камня. — Ее убили здесь, видимо, разможили череп вот этим булыжником. Брызги крови разлетались во все стороны с большой силой — отдельные капли долетели даже до скальной стены, а это не меньше трех метров. В то же время костюм, в который была одета женщина, совершенно чист. Это я запомнил отчетливо. На пиджаке не было ни единого пятнышка. И еще: одежда ее абсолютно сухая. Не представляю, как можно было затащить труп на яхту и при этом не намочить хотя бы рукава костюма или туфли. И вообще, женщина одета явно не для морской прогулки — туфли на высоком каблуке, деловой костюм. Может быть, ее убили не здесь, а на берегу, после чего занесли на яхту и привезли сюда?»

Я покачал головой, ставя под сомнение эту версию, и пошел дальше по тропе к тому месту, где я оставил ласты и мешок с крабами. Пленникам я подарил свободу, вытряхнув их в воду. Не ожидавшие такого хеппи-энда членистоногие сначала в изумлении тарасили на меня свои перископические глаза, а потом ломанулись на глубину, расталкивая и подминая друг друга под себя. Вместо крабов в мешок я положил кроссовки, опустил его в воду и, чтобы не всплывал, придавил камнем.

Шесть километров в ластах — не то чтобы пара пустяков, но задача не из самых трудных. Я спиной вошел в воду, надвинул на лицо маску, сунул в рот резиновый загубник трубки и лег на воду. Джинсы и майка немного стесняли движения, но выкинуть одежду я не мог — надо же было в чем-то появиться в городе.

Я плыл не меньше двух часов и, приближаясь к выступающему в море мысу Алчак, уже едва двигал ногами. От напряжения страшно болели шея и спина, а поясница, натертая мокрым поясом, пылала огнем. Последние метры я преодолел на спине, сдвинув маску на лоб. Когда я почувствовал под ногами камни и встал на них, меня начало шатать из стороны в сторону, будто я крепко накачался портвейном. Солнце уже зашло, и пляж опустел, лишь несколько парочек прохаживались по полосе прибоа.

Я настолько устал, что не нашел в себе сил даже выжать одежду, и пошел по теплomu еще асфальту, оставляя за собой мокрые следы. Чтобы не светиться в таком виде на набережной, которую уже шлифовали толпы отдыхающих, я пошел через территорию санатория ВВС, а оттуда — по шоссе, ведущему в Уютное.

Когда я открыл калитку дачи и ввалился во двор, Анна сидела на ступеньке деревянной лестницы и курила. Увидев меня, она медленно спустилась, близко подошла, почти касаясь меня грудью.

— Привет, — сказала она, с каким-то странным выражением рассматривая мое лицо. — Чего это ты такой мокрый? И босиком... Теперь так на свидания ходят?

Ее грудь часто поднималась и опускалась, взгляд все еще блуждал по моему лицу. Казалось, Анна усилием воли сдерживает себя.

— У тебя есть водка? — спросил я, не задумываясь о причине ее столь странного поведения.

— Водка? — эхом отозвалась она. — А зачем тебе водка?

Я понял, что она не готова выслушать меня. Она пребывала во власти своих мыслей. Пока меня не было, она думала о чем-то пустом и глупом, не имеющем ничего общего с тем, что пришлось мне пережить, и я не мог воспринимать всерьез и этого напускного холодка, который шел от нее, и ее неестественно сдержанного голоса.

Я снимал с себя мокрую одежду, стоя босыми ногами на кафельном полу душевой. Анна смотрела на меня из-за перегородки, приподнявшись на цыпочках. Меня все еще шатало, и, чтобы не растянуться на полу, я держался за резиновый шланг, свисающий с бочки.

Я поднял глаза. В ее взгляде уже что-то изменилось.

— Леша дважды заходил, — сказала Анна. — Он уже целый час ждет тебя на лодочной станции.

— Анна, скажи: кто еще, кроме Леша и тебя, знает, что я был на Диком острове? — спросил я, садясь на край большой металлической раковины, предназначенной для стирки. Брюки, снятые наполовину, спутались. У меня не было сил нагнуться, и я пытался освободиться от них без помощи рук, дергая ногами.

— На Диком острове? — медленно повторила Анна. — Разве не достаточно того, что я все знаю? — Она не думала над ответом. Она смотрела на меня. Под ее взглядом мои движения стали еще более нелепыми, и в конце концов я поскользнулся на обмылке и грохнулся на кафель, сильно ударившись о край раковины затылком.

Чертыхаясь и потирая ушибленный затылок, я с остервенением отбросил от себя брюки, поднялся на ноги, ожидая от Анны слов сочувствия, хотя ситуация, конечно, была не столь драматичной, сколь комичной, но Анны уже не было, и на том месте, где только что было ее лицо, быстро скользил по невидимой паутинке жирный паук.

Вода была теплой, и лилась она из шланга толстой тяжелой струей, но я все равно не мог согреться, и меня колотил озноб. У меня хватило терпения только на то, чтобы тщательно вычистить одежной щеткой ногти на руках. Завернувшись в махровый халат Анны, я вышел из душа и пошел на кухню. Странно, моя прекрасная леди, вопреки моему предположению, вовсе не крутилась у плиты, готовя мне ужин. Ее вообще не было на кухне. Я взглянул во дворик. Пусто. Вернулся на кухню и открыл дверь комнаты, где жила Анна.

Девушка лежала на койке лицом вниз и не шевелилась. Короткая теннисная юбка немного задралась, оголяя красивое смуглое бедро. «Как похоже она лежит! — подумал я. — Совсем как та женщина...» Недавний кошмар, который, казалось, стремительно и безвозвратно ушел в прошлое, вдруг снова нахлынул на меня. Я машинально схватил Анну за руку, едва не вскрикнул, почувствовав ее безвольную тяжесть, но Анна дернулась, освобождаясь от меня, подтянула колени к животу и прижала руки к груди, как делают во сне дети, если им холодно.

— Ну, ты лежишь... — облегченно выдохнул я, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце, — как мертвая... Анюта! — Я присел на край койки. — А что все-таки случилось? Я тебя не узнаю.

Она не ответила. Каюсь, иногда нечаянно обижал ее, я не всегда слежу за своим языком, но разве сейчас сделал что-то не так? Сказал Анне грубое слово?

Я погладил ее по голове. Она не отреагировала. Я чувствовал, как во мне неудержимо вскипает гнев. Вляпался в гнусную историю, едва держусь на ногах от усталости, продрог до самых костей, но вместо помощи и сочувствия — каприз и бойкот.

— У тебя есть водка? — повторил я.

Неожиданно Анна повернулась, села в постели, накрыла ноги одеялом.

— По-моему, тебе сегодня уже достаточно водки.

Это был детонатор. Я взорвался.

— Достаточно?! — вспыхнул я. — А кто ты такая, чтобы указывать мне меру? Ты что, из общества трезвости? Или, может быть, ты мне жена?

— Пошел вон! — спокойно ответила Анна. — Можешь возвращаться туда, где был. — Она снова легла ко мне спиной, опустила руку под койку, вытащила оттуда полиэтиленовый пакет, набитый чем-то мягким, и, не глядя, швырнула его в меня. Я не успел увернуться, и пакет шлепнул по лицу.

Ну, теперь ясно. Банальная ревность. Теперь всякое объяснение будет выглядеть как жалкое оправдание. А этого никак не вынесет мое достоинство. Будь даже мне Анна женой, не стал бы оправдываться и доказывать, что не верблюд. А так — тем более.

Я поддал пакет ногой так, что он вылетел на кухню, вышел из комнаты и с треском захлопнул за собой дверь. Водки в холодильнике не оказалось, зато под самой морозильной камерой лежали тугая пластиковая бутылка с красным портвейном и торт в квадратной коробке. Ах да! Анна собиралась отметить со мной свои именины — двадцать пять лет назад, девятнадцатого августа, ее крестили в сельской церкви Рязанской области и нарекли Анной. Грешен — забыл об этом мероприятии. Но если бы даже помнил, то все равно приполз бы поздно вечером, босой и мокрый с головы до ног.

«Дала бы выпить, накормила, согрела, а потом бы спрашивала, что со мной случилось», — мысленно оправдывался я за свою резкость. В маленькую алюминиевую кастрюльку я вылил стакана три портвейна, добавил туда сухой гвоздики, лимонного сока, корицы и мускатного ореха, поставил вареву на огонь и стал помешивать ложкой. «Первым мириться не буду, — решил я. — Не мальчишка, чтобы терпеть ее капризы...»

Грог стал закипать, я снял его с огня, налил в стакан и стал отхлебывать маленькими глотками. В желудке сразу стало тепло. Я налил снова. Меня повело, и на лбу выступили крупные капли пота.

Вместе с теплом накатила сонливость. Из моего тела словно вытащили позвоночник, и теперь я полулежал на стуле, испытывая блаженство, и не очень успешно боролся со сном. «Женщин всегда следует держать от себя на дистанции, — думал я, из-под отяжелевших век глядя на полиэтиленовый пакет, лежащий на полу. — Чуть зазеваешься, чуть притупишь бдительность — и нежные пальчики уже крепко обхватывают твоё горло. «А-а, поздно пришел! Да еще и шатаешься из стороны в сторону! Значит, где-то пил без меня! А я, дура, волнуюсь, места себе не нахожу, думаю, что утонул! Получай по роже!..» Нет, что ни говори о любви, а женщины — это зло... Чем это, интересно, она в меня бросила?»

Я с большим усилием оторвался от стула, потянулся за пакетом, приподнял его за нижний край и вытряхнул содержимое. На пол выпала белая женская накидка из тонкой, как бумага, кожи, с большой золоченой пуговицей на воротнике. Такого претенциозного наряда у Анны не было. Чья эта одежда, интересно?

Я сложил накидку в пакет, забросил его в стенной шкаф, где хранились крупы, и снова нацелился на кастрюлю, где еще оставалось немного грога. «Шиздануть последний стаканчик или не стоит?» — лениво раздумывал я.

Тяжесть, сдавившая мне сердце словно тисками, постепенно отпускала. Все, что случилось со мной на Диком острове, уже не казалось таким драматичным. Да, пришили какую-то даму. Я случайно оказался на борту яхты и увидел труп. Ситуация неприятная, но не более того. Никто меня ни на яхте, ни на острове не видел, следов за собой я не оставил. Мафиозные разборки на побе-

реже едва ли не каждый день громяхают. Если по каждому покойнику нервы ломать — здоровья не напасешься.

Мне на плечо легла чья-то рука. Я вздрогнул, хотя портвейн притупил реакцию.

— Это ты? — спросил я.

— Я, — ответил Леша.

— Садись, наливай из кастрюли грог.

Леша беззвучно прошел вперед и сел напротив меня.

— Где ты был? — спросил он после минутного молчания.

Сразу видно — мужик. Ни истерических ноток в голосе, ни слез, ни соплей, ни нервов. Рыжая кудрявая копна волос в тусклом свете лампы горит как факел. Аккуратная борода волной сглаживает острые скулы. Тонкий нос, слегка подрумяненный солнцем. Спокойные голубые глаза. Сильно выделяющиеся надбровные дуги с очень светлыми, едва заметными бровями. Высокий лоб. С Леша можно рисовать иконы. Таких красивых мужиков я редко встречал в своей жизни.

— Я был на острове, Леша, — ответил я и вздохнул. — Сколько крабов ты вытащил сегодня?

На вопрос он не ответил. Леша не любил говорить попусту.

— Собственно, — произнес он, не сводя с меня глаз, — я так и сказал Анне: с тобой вряд ли могло случиться что-нибудь серьезное... Или я не прав?

— Ты не прав, потому что... потому что не пьешь, а грог остывает. Сделай милость, возьми из шкафа стакан и налей сам. Я еле руками двигаю.

— Ты выпал из лодки? — спросил Леша.

— Почему ты так решил?

— Если находят лодку без гребца...

— А кто нашел лодку? — перебил я его.

— Насколько мне известно, пограничники. По номеру определили, к какому причалу она приписана, и пригнали ее к берегу.

— Не знаешь, они обо мне что-нибудь спрашивали?

— Мне рассказали, что Моргун якобы ловко соврал: будто лодку сорвало с пирса и отнесло ветром в море.

— Значит, Моргун знает, что я плавал на острове?

— Не уверен. Он спрашивал меня, куда ты плавал на лодке сегодня, но я ответил неопределенно: за крабами.

Ответы Леша меня успокоили. Похоже на то, что, кроме него и Анны, никто не знал, что я был на острове.

— Так что с тобой стряслось? — спросил Леша.

«Железное терпение у человека», — подумал я. Если я откажусь отвечать, он не обидится и легко перейдет на другую тему. Леша тем и удобен, что мало интересуется моей личной жизнью. Он, к примеру, ни разу не спрашивал, кто для меня Анна, — это тот вопрос, на который мне труднее всего ответить; он не проявлял любопытства к делам моего сыскного агентства, в то время как всякая малознакомая пьянь в поселке замучила вопросами о пойманных мной преступниках; Лешу совершенно не волновала и моя прошлая жизнь. Мы встретились с ним в Голубой бухте под водой, едва не столкнувшись лбами, когда занимались подводной охотой: я ловил крабов, а Леша, вооруженный ружьем с гарпуном, — камбал. Мне достаточно было несколько минут понаблюдать за ним под водой, чтобы понять — это ныряльщик высокого класса. Леша без труда опускался на десятиметровую глубину, задерживая дыхание на три минуты и больше, прекрасно ориентировался под водой, без боязни подныривал под огромные валуны, втискивался в узкие расщелины, и, хотя добыча его не была адекватной риску, я завидовал его тренированности.

На берегу мы познакомились ближе. Леша приехал на побережье из Симферополя, чтобы отдохнуть, как он выразился, от городской пыли и стерильности операционных. Не думаю, что он, квалифицированный врач-анестезиолог, зарабатывал так уж мало; желание заняться промыслом возникло у него скорее от потребности в риске и азарте, чем от недостатка в деньгах. Когда он узнал, что я ловлю крабов для ресторана, то сразу же предложил мне свою помощь. От помощи я вежливо отказался, так как предпочитаю работать в одиночку. Тогда Леша облюбовал мыс Меганом, где стал пропадать с утра до вечера. Его подводное плавание, как ему казалось, приобрело смысл, и он увлекся охотой, как мальчишка. У нас появились общие интересы, мы сдружились, и Леша вечерами стал приходить ко мне на дачу. Обычно мы просиживали втроем за бутылкой массандровского портвейна до глубокой ночи, трепались на всевозможные темы и резались в бридж. Но чаще он пропадал в палаточном городке, расположенном в реликтовом лесу между Уютным и Новым Светом. На во-

прос, чем его так привлекают «дикари», Леша лишь улыбался. Мне кажется, что на дикий пляж его влекли те же чувства, что и мартовского кота — на крышу.

Я доверял Леше в той же степени, что и приятному попутчику в поезде, с которым случайно встретился и через недолгое время расстанусь навсегда. То есть ему можно было доверить едва ли не самое сокровенное.

ГЛАВА 4

Леша отказывался от грога до тех пор, пока я не рассказал ему о том, что увидел на Диком острове. Он молча выслушал меня, после чего не торопясь осушил кастрюлю с напитком, вытер усы тыльной стороной ладони и снова сел на стул.

Из открытой двери повеяло сыростью. Шел тихий ночной дождь. Редкие капли разбивались о листья виноградника и терялись в незрелых мелких гроздьях. Утром от этого дождя не останется следов — ни луж, ни ручьев, ни росы на траве. Леша смотрел в черный дверной проем, и мне казалось, что он думает именно об этом.

— К чему ты прикасался, когда был на яхте? — тихо спросил он, не поворачивая головы.

— К ручке двери, к ручке трюмного люка.

— Название яхты не запомнил?

— «Ассоль».

— Отпечатки хорошо стер?

— Старался.

— А ты уверен, что видел труп, а не куклу?

Я от возмущения так дернулся, что пролил на пол немного грога.

— Не принимай меня за идиота.

— Скверная история, — резюмировал Леша и, подумав, спросил: — Ты считаешь, что кто-то хотел кинуть на тебя тень?

— А ты разве считаешь, что нет?

— То, что твою лодку унесло в море, еще не говорит, что это сделано человеком и со злым умыслом.

Разговор с Лешей начал меня нервировать.

— По-твоему, — энергично жестикулируя, крикнул я, — лодка сама подползла к воде, сама плюхнулась в море и отчалила от острова?! И сделала она это вовсе не для того, чтобы заставить меня подняться на яхту, а из своих узколодочных интересов?

— Не кипятись, — попытался убавить мою энергию Леша. — Все проще. Лодку могло слизнуть волной.

— Не могло, — в тон ему ответил я. — Я оттащил ее метров на пять от воды.

— Кто же тогда это сделал? — вслух подумал Леша, теребя пальцами бородку. — И кто эта женщина?.. Послушай! А ты уверен, что ее убили? Это мог быть несчастный случай. Сорвалась со скалы или выбросило волной на камни.

— И после этого несчастную скидывают в трюм вместо того, чтобы положить на диван или на крайний случай на палубу? Нет логики.

— Нет, — согласился Леша. — Похоже, что ее действительно убили. И убийце, между прочим, как и тебе, не на чем было добраться до берега.

— Он мог остаться на острове, — мрачным голосом ответил я. — Мне все время казалось, что за мной следят.

— Не переживай, — сказал Леша, поднимаясь со стула. Он подошел ко мне, опустил руку на плечо. Я молча кивнул. Я был благодарен Леше за сочувствие и стремление помочь мне. Я был для него чужим человеком, он ничем не был обязан мне, он мог уже завтра утром уехать в свой Симферополь, отгородиться стерильными стенами операционной от моих проблем и забыть обо мне навеки — и был бы прав, и никто не смог бы упрекнуть его за это. — Не переживай, — повторил он. — Сегодня ночью яхту обязательно обнаружат пограничники, обыщут, найдут труп и передадут дело в прокуратуру. А там ребята разберутся, что к чему. Будем надеяться, что на острове никто тебя не видел, своих следов ты там не оставил. Мне кажется, что дело пустяковое, не стоящее твоих нервов.

— Странно, — ответил я, глядя на донышко опустошенного стакана. — А мне как раз показалось, что дело серьезное и запутанное. Опыт у меня небольшой, и потому я могу положиться только на интуицию. А она меня еще ни разу не подводила.

— Интуиция тоже не может появиться с воздуха, — ответил Леша. — Если ты чувствуешь, что дело запутанное, значит, заметил то, что тебя насторожило.

— Ты прав, — согласился я и принялся снова готовить грог. Портвейн, корица, гвоздика... — Меня насторожило, например, что женщина была одета в совершенно сухой и чистый деловой костюм... Спички подай, пожалуйста!

Я заметил, что Леша насторожился, словно охотничий пес, почувшавший дичь. Он нахмурился и принялся расхаживать по кухне — от плиты к двери комнаты Анны.

— Сухой и чистый, — как эхо повторил он. — Ну и что? А каким он должен быть? Что-то я не могу уловить твою мысль.

— Женщину валят на гальку, прижимают ее голову к камням и разбивают череп булыжником. Остается кровавое месиво диаметром почти в метр. Ты можешь отчетливо представить себе эту картинку? И как смотрится на фоне всего этого идеально чистый костюм?

Леша настолько вошел в образ, что даже покраснел от избытка впечатлений.

— И что ты этим хочешь сказать? — спросил он, не поднимая глаз, словно стыдился своей недогадливости.

— А то, что женщину убивали либо в другой одежде, либо вообще голой, а костюм надели уже на труп. Причем сделали это на яхте, потому как невозможно было перенести ее, не замочив одежду.

— Любопытный вывод. Очень любопытный, — проговорил Леша. — Только мне неясно одно: а для чего нужны были все эти манипуляции с одеждой?

— Мне это тоже неясно, — ответил я. — Можно предположить, что убийца снял выпачканную в крови одежду, чтобы случайно не оставить следов на дверях, полу или стенах каюты. Но тут же напрашивается второй вопрос: зачем тогда ему понадобилось одевать ее снова? Сбросить в трюм можно было и голый труп.

Леша шумно выдохнул и покачал головой.

— Двенадцатый час ночи, а мы с тобой говорим о таких жутких вещах.

— Тебе страшно?

Леша как-то странно взглянул на меня.